

М. В. ЗАВЬЯЛОВА

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ОГОНЬ»
В РУССКИХ И ЛИТОВСКИХ ЗАГОВОРАХ**

Почитание огня как космического элемента, лежащего в основе мироздания, известно всем народам. Существует огромное количество разнообразных легенд, описывающих появление огня на земле. Огонь добывается из дерева, камня, железа, из земных недр, из воды и с неба, от солнца или непосредственно от божества, с ним связанного. В добывании огня для людей участвуют разные животные и птицы, а иногда они же являются хранителями огня, добровольно или принудительно отдающими его потом человеку. Мифы о происхождении огня и связанные с ним атрибуты находят отражение и в народных заговорах. С помощью огня излечиваются болезни, запугивается враг, насылается порча, разжигается любовь. Огонь служит одновременно и оберегом, и угрозой, и страшной силой, от которой просят защиты, и средством лечения.

Несмотря на универсальность функции огня в народном фольклоре, образы его в литовских и русских заговорах весьма различны. В русской традиции огонь — неподвластная никому (кроме божественного персонажа) стихия, живущая сама по себе в море, в камне, в чистом поле. Огонь является здесь элементом мира, таким же, как земля, вода, воздух (ветер, который раздувает огонь). Человек (заговаривающий) редко обращается непосредственно к нему, чаще всего огонь является орудием действия какого-либо мифического персонажа (Вихорь Вихревич, троюперая сестра, рабы и слуги царицы Соломии, ангелы, Илья-Пророк). Наравне с этими персонажами огонь принадлежит иному миру, находится вне бытового пространства человека, поэтому заговаривающий прибегает к помощи посредников, которым легче наладить отношения с близкой им стихией. В литовских заговорах, напротив, огонь — совершенно одушевленный персонаж, введенный в сферу человеческого быта, — богиня Габия. К ней обращаются с молитвами о благополучии в доме и хорошем урожае, ее просят благословить хозяйство, охранить дом от пожара, задержаться на месте, не расширяться, зажечь свечу и т. п. Люди относились к огню-Габии уважительно, называли ласковыми именами, благодарили за поддер-

живаемое тепло, накрывали и стелили ей постель, кормили огонь домашнего очага: *Miela dievaite, Gabjauja, mes kaip reikiant kalbėjome tau maldas, būk maloninga, mūsų dievaite, laimink mus, mūsų šeimą, troblesius ir kambarius, gyvulius, javus ir t. t.* [Niemi, p. 280] 'Милая богиня Габьяуя, мы как положено произносили тебе молитвы, будь любезна, наша богиня, благослови нас, наших детей, нашу семью, строения и комнаты, скот и хлеба'; *Ugnėla, Gabijonėla, nekurstoma nedek, užklostoma miegok ir nevaikščiok po šiuos namelius* [Balys 1981, p. 48] 'Огонек, Габийонеле, не разожженная не гори, укрытая спи и не ходи по этому дому!' Габия наделялась антропоморфными и зооморфными чертами: у нее есть ноги, крылья, плащ, она ест, пьет, спит, может злиться, любить, отдыхать. По поверьям, она могла обращаться в кошку и убегать из дому, если хозяева плохо к ней относились.

Габия не исчезает из заговоров даже с приходом христианства. Иногда она заменяется святой Агатой, основная функция которой, по народным представлениям, защита от огня. В некоторых заговорах они появляются вместе: *Šventa Gabija, šventa Agota, saugok mus nuo ugnies* [Dundulienė, Ugnis, 1985, p. 30] 'Святая Габия, святая Агата, храни нас от огня!'; *Šventa Gabija, rusensk vietelėj, ateik šventa Agota, aplankyk šventą Gabiją* [Там же, p. 30] 'Святая Габия, тлей на своем месте, приди, святая Агата, навести святую Габью'. Даже если в заговорах присутствует Иисус Христос, главным действующим лицом все равно остается огонь: *Vardan Dievo ir t. t. Ugnute, ramute, šventa Gumija, gelbėtoja, ramytoja nuo pakusų, būk rami, būk spragi. Ant amžių amžinųjų. Amen.* [Balys 1981, p. 49] 'Во имя Бога и т. д., Огонек, спокойный, святая Гумия, спасительница, утешительница от соблазнов, будь спокойна, будь трескуча. Во веки веков. Амины!'; *Ugnis! Tu karšta liepsna, tavęs prašo Jezus Kristus, Dievo avinėlis, tau reik tylėt ir toliau neeit. Vardan Dievo...* [Там же, p. 52]. 'Огонь! Ты горячее пламя, тебя просит Иисус Христос, Божий агнец, тебе нужно молчать и дальше не идти. Во имя Бога...' Видно, что христианский Бог тут присутствует формально, а основная сила исходит от огня: *Garbė Jezui Kristui. Dėkui, ugnele, už šią dienele, duok sulaukti geros naktelės, apsisaugoti nuo neprietelių, duok surasti paklidėliams kelią* [Dundulienė, Ugnis, 1985, p. 30] 'Слава Иисусу Христу. Благодарю, огонек, за этот денек, позволь дожидаться хорошей ночи, уберечься от врагов, позволь найти заблудившимся путь'.

В русских заговорах, наоборот, если присутствует святой персонаж, то огонь является его орудием: *...И еще буду вас наказывать градом и огнем и спущу на вас птицы черныя...* (оберег

«Сон Богородицы» [Русская магия 1993, с. 81]; *Свет ты, Илья пророк, огненна карета и огненна колесница, ... ты врага и супостата убиваешь и огнем опалешь...* (заговор от разных болезней [Майков 1994, с. 80]). Однако чаще всего огонь в русских заговорах представлен как неперсонифицированная стихийная сила. Единственный случай персонификации — это Царь-огонь, к которому обращаются с просьбой избавить от болезней:

Батюшко ты, царь огонь, всемя ты царями царь, всеми ты огнями огонь, будь ты кроток, будь ты милостив; как ты жарок и пылок, как ты жгешь и палишь в чистом поле травы и муравы, чашии и трушшобы, у сырого дуба подземельныя коренья, семьдесят семь кореньев, семьдесят семь оторослей, также я молюся и корюся тебе-ка, батюшко, царь огонь, жги и спали с раба Божия (имя рек) всяки скорби и болезни, уроки и призоры, страхи и переполохи, нутренны родимсы и суставчаты, одувны и заболонны, бросучи и ломучи, с ретиваго сердца, с крови горячи... (и т. д.) [Там же, с. 95–96]. Но здесь *царь огонь* скорее изофункционален небесному огню, грому, в то время как литовская Габия — персонифицированный огонь домашнего очага. Поэтому, несомненно, она должна быть женского рода (слово *ugnis* ‘огонь’ в литовском языке тоже женского рода). Однако признак ‘женский’ в отношении огня релевантен и русскому заговору: здесь все действия с огнем выполняют в основном женские персонажи (кроме Бога и святых) — бабья дочь, троеперая сестра, дочери царицы Соломии, Богородица. Возможно, поэтому в заговоре, направленном на избегание огня (цель — испортить ружье), присутствует мужской персонаж: *Пойду я на Окиян море, на море стоит камень, на этом камне сидит старик, волосом сед, и сечет, и рубит по Янтарю камню. Как ни дыму, ни пламя, не искры нету, так бы у раба твоего не было не пламя, не искры, не замка крепче Янтаря камня...* [Там же, с. 136]. Это может быть связано со специфической женской функцией хранительницы жертвенного огня (весталки), а также с некоторыми мифами о происхождении огня из женщины [Frazer 1930, p. 220].

Кроме святой Агаты, Габии и Иисуса Христа, в литовских заговорах способностью управлять огнем наделен и сам заговаривающий: *...Jei neišimsi (gyvatė geluonies), mesiu akmenis ugnį, uždegsiu kalnų, pakalnes ir klonius, ir tau nebūs kur išeiti* [LTR, N 3961] ‘Если не вытащишь (змея жала), брошу камни огонь (?), зажгу горы, склоны и долины, и тебе некуда будет выйти’. Ср. аналогичный русский заговор: *...А то буду Михайле Архангелу про-*

сить: *Бог громом убьет, огнем сожжет!* [Майков 1994, с. 167]. При сравнении этих двух заговоров следует отметить еще и то, что в русском заговоре огонь направляется непосредственно на змею, а в литовском она как будто огню неподвластна — можно зажечь все вокруг, кроме нее. Это видно и на примере другого заговора (тоже от укуса змеи): *...Tegul iškeikia tave dangus, iškeikia žemė, iškeikia tave vanduo, iškeikia ugnis...* [Mansikka 1929, p. 77] 'Пусть проклянет тебя небо, проклянет земля, проклянет тебя вода, проклянет огонь'. Угроза змее огнем отсылает к проблематике основного мифа, в котором Громовержец (Перкунас) поражает змея, в частности, огнем. Однако и сама змея имеет тесную связь с огненной стихией. Одним из символов огня в Литве была спираль, а в языческом святилище в Ромове находился идол в виде закрученной спиралью змеи с человеческой головой в короне [Dundulienė, Ugnis, 1985, p. 84]. Считалось, что особенной магической силой обладает свеча, сделанная из жира старого ужа, — она охраняла от всех неприятностей. Если зажечь такую свечу, сбегались все ужи во главе со своим королем на помощь [Dundulienė, Ugnis, 1985, p. 27]. Интересно, что русские использовали такую же свечу для совершенно других целей — в любовной магии. Сжигая ее понемногу, можно было снова возбудить любовь в человеке. Этот пример показывает разницу в восприятии двумя народами силы огня. Для литовцев она вполне конкретна, то есть не выходит за рамки предметов, участвующих в ритуале: жгут свечу из змеиного жира — появляются змеи; у русских же эта связь более опосредована — огню подвластны чувства человека, а не просто стая ужей.

Култ ужа в Литве тесно связан с домашним очагом. Уж считался хранителем домашнего очага, символом семейного благополучия. Это сближает змею с образом женщины-весталки, недаром в Литве считалось, что в ужах воплотились все праматери рода [Dundulienė, Ugnis, 1985, p. 27]. Кроме того, уж связан и с небесным огнем — солнцем. Широко распространено в Литве поверье о том, что солнце будет плакать, если убить ужа. Солнце часто изображалось с ужом посередине или с лучами в виде змей. Заговоры от укуса змеи полагалось произносить глядя на солнце. Во время летнего и зимнего солнцестояния особенно действенными считались обряды, охраняющие от змей. От укусов змей (как и от пожара) помогал «хлеб святой Агаты» (отождествляемой с Габией — богиней огня), т. е. хлеб, освященный в церкви в день св. Агаты (5 февраля). В заговорах к змеиному королю обращаются *karaliau liepsnotas* 'король пламенный'. Такое название не случайно. Лит. *žaltys* 'уж' этимологически связано с *žalias*

'зеленый', *žolė* 'трава' и далее со славянским *зеленый, золото, зола* [Fraenkel, LEW, 1955, с. 1288, 1287; Фасмер 1995, II, с. 92, 103–104]. То есть, собственно языковые данные свидетельствуют о связи ужа с богатством, блеском, золотом, растительным миром и с огнем, пеплом, золой. Змея имеет и визуальное сходство с огнем: ползет по земле, как огонь, жалит и обжигает. А. А. Потебня объединяет понятия жалить и гореть [Потебня 1860, с. 24].

Связь змеи с огнем осуществляется также через подземный, нижний мир, к которому змея имеет непосредственное отношение. Согласно литовским мифам, огонь находился под землей, и оттуда его принесли птицы. В русской традиции интересно переплетается змеиная и птичья природа, в результате чего возникает Огненный Летучий Змей, который является воплощением стихии огня. В славянской мифологии он связан с домом человека — он летает к женщине и соблазняет ее, приносит в дом клады [Славянская мифология 1995, с. 283]. В русских заговорах (особенно в любовных) Огненный Змей появляется довольно часто: его просят зажечь сердце красной девицы. Как и сам огонь, он может выступать как положительным, так и отрицательным персонажем: *...отделяю (я тебя) от летучаго змея огненного...* [Сказания 1990, с. 284] (от тоски родимой матушки в разлуке с милым дитяtkою); *... Спрошу я у этой огненной змеи: — Куда ты летишь? — Лечу я вот туда-то, несу иглу, зашивать рану (заговор от крови)* [Русская магия 1993, с. 113]. Отражается в русских заговорах и связь огненного змея с богатствами, заключенными под землей: *Под морем под Хвалынским стоит медный дом, а в том медном доме закован змей огненный, а под змеем огненным лежит семипудовый ключ от княжева терема, Володимерова, а в княжом тереме, Володимеровом, сокрыта сбруя богатырская, богатырей новгородских, соратников молодецких...* [Сказания 1990, с. 295].

В литовской традиции такого персонажа нет, однако домовый Айтварас имеет с ним некоторые сходные свойства: так, по народным представлениям, он может обращаться в комок огня, огненного ужа или в огнедышащего дракона, а также в красного петуха. Связь Айтвараса с огнем очевидна. Он может быть сопоставлен с огненным змеем и по отношению к богатству. Айтварас может обращаться в драгоценные металлы, связан с подземным царством и кладами, приносит людям деньги. Он может появиться из яйца и из угля во время горения [Dundulienė, Ugnis, 1985, p. 9–10]. Огненный змей, по русским поверьям, тоже мог вылупиться из яйца, если его снесет петух старше 7 лет. В этом с ним сходно западно-

славянское демоническое божество Рарог, представлявшееся в виде огненного клуба, дракона или птицы. Рарог появлялся из первого яйца от первой кладки черной курицы, если его выходит под локтем человек, который должен сидеть 9 суток на печи, не молясь и не моясь [Успенский 1982, с. 162]. Как видно из этих примеров, яйцо имеет отношение к нечистой силе и огню. В текстах русских заговоров оно в связи с огнем не встречается, однако присутствует в ритуале, направленном против пожара: считалось, что от пожара помогает яйцо, если его обнести вокруг горящего места. Само по себе яйцо — ключевой предмет космогонического мифа. По представлениям многих народов яйцо появилось в мировом океане, откуда потом родилось все живое [МНМ 1997, II, с. 681]. Такой же миф существует и об огне. То есть можно считать яйцо содержащим огонь, который персонифицирован петухом, змеей, огненной птицей или огненным змеем.

Таким образом, через яйцо осуществляется связь змеи с петухом, который тоже имеет отношение к стихии огня. Начиная строить печку, литовцы приносили в жертву петуха, божеству домашнего очага жертвовали куриц разных цветов и кости петуха. Есть специальный заговор, произносимый мужчинами во время поедания мяса белого или черного петуха: *Miels dieve Gabjauja, mes tau gražiai atlikom, būk linksmas, mūsą dieveli, peržegnok mus, mūsą vaikūs, šeimyną, namelius, trobeles, gyvulius, javelius ir. t. t.* [Balys 1981, p. 45–46] 'Милый бог Габьяуя, мы для тебя красиво все исполнили, будь весел, наш бог, перекрести нас, наших детей, семью, дом, избы, скот, хлеба и т. д.' Бросается в глаза сходство этого заговора с молитвой, обращенной к богине огня Габии (см. выше). В русской традиции связь петуха с домом прослеживается в обычае запускать в новое жилище петуха и кошку. Если сопоставить этот обычай с верованиями литовцев, то получается, что запускают в дом именно воплощение огня — о превращении богини домашнего очага в кошку было сказано выше, а красный петух — общеизвестная метафора пожара. Петух связан с небесным огнем — солнцем, утренней зарей, но также и с подземным царством (черный петух). В литовском заговоре от змеи огонь изофункционален крови петуха: *Pulkas juodų, pulkas rudų, pulkas geležinių. Geležie, geležie, geležie, ką įleidai, išimk. Jei neišimsi, aš paimsiu, mesiu akmenis ugnį, uždegsiu kalnus, pakalnes ir klonius, ir tau nebus, kur išeiti. Jei neišeisi, aš paimsiu gaidžio skiauterės kraujo, užliesiu kalnus, pakalnes ir klonius...* [LTR, № 3961] 'Стая черных, стая коричневых, стая железных. Железо, железо, железо, что запустила, вынь. Если не вынешь, я возьму камни огонь (?), зажгу горы, склоны и до-

лины и тебе некуда будет выйти. Если не выйдешь, я возьму крови из гребня петуха, залью горы, склоны и долины...'

Кровь является одним из воплощений огня и в русских заговорах, она представляется здесь огненной рекой, кипящим ключом: *У него бы тело тлело, ... а кровь ключом кипела...* (заговор на любовь) [Русская магия 1993, с. 138]; *...как печь топится, и из печи пламя пашет, — так бы у меня, раба Божия (имя рек), кровь и рана утихала и переставала...* (от крови) [Майков 1994, с. 67]. Ср. литовский заговор от крови: *Ugniavistas kraujas, paparčio žiedas. Aprimo upė. Tegul šitas kraujas nustos tekėt* [LT 1968, p. 898] 'Огненная (букв. размножающаяся огнем) кровь, цветок папоротника. Успокоилась река. Пусть эта кровь перестанет течь'. В последнем заговоре соседствуют огонь, кровь и цветок папоротника, который является еще одним земным воплощением небесного огня. Круг связей папоротника — воплощение птицы, принесшей огонь, внешнее сходство растения с оперением птицы, цветок, распускающийся только во время праздника летнего солнцестояния с треском, как раскаты грома, связь с богатствами (кто найдет цветок папоротника, сможет отыскивать клады) и с животными (будет понимать язык зверей) — образует и комплекс связей огня. Языковую параллель к связи папоротника и птицы можно видеть в этимологическом родстве рус. *папоротник* и *перо*, лит. *sparnas* 'крыло', рус. *парить* [Фасмер 1995, III, с. 202]. Интересно, что рус. *парить*, *пар* связано с лит. *pėrėti* 'высиживать птенцов' [Фасмер 1995, III, с. 207].

Мотив птицы тоже тесно связан с темой огня. У многих народов существуют мифы о похищении огня птицей у небесного божества (или из подземного царства). В литовской мифологии такими птицами являются грач (*kovas*), аист (*gandras*), ласточка (*kregždė*). Эти птицы особо почитаются в Литве. Считается, что гром может зажечь дом того человека, который разорял гнезда аиста или ласточки. Аист охранял от грозы и пожара. В русских заговорах к птицам обращаются с просьбой заклевать огненного змея и достать богатство: *По Волге широкой, по крутым берегам плывет лебедь княжая, со двора княжева. Поймаю я ту лебедь, поймаю, схватаю. Ты, лебедь, полети к морю Хвалынскому, заклюй змея огненного, достань ключ семипудовой, что ключ от княжева терема, Володимерова. Не моим крыльям долетать до моря Хвалынского, не моей мочи расклевать змея огненного, не моим ногам дотащить ключ семипудовый. Есть на море на Окиане, на острове на Буяне ворон, всем воронам старший брат; он долетит до моря Хвалынского, заклюет змея огненного, притащит ключ семипудовый; а ворон посажен злою ведьмою киевскою...* [Сказания 1990, с. 295—

296]. В литовских заговорах сам огонь имеет птичью природу — у него есть крылья: *Miegok, mano ugnele, kaip pelytė lizardelyje! Nesi-auk kojujūci ir nekelk sparneliu* [Dundulienė, Ugnis, 1985, p. 33] 'Спи, мой огонек, как мышка в гнездышке! Не разувайся (букв. не разувай ножек) и не поднимай крылышек'. Сравнение мыши с огнем в этом заговоре не случайно. Мышь здесь противопоставлена птице. Мышь — это огонь тихий, смиренный, спящий, а птица — огонь бушующий, палящий, летящий. Мифологически реконструирована связь мыши с грозой и небом: мыши считаются детьми неба и земли; дети Громовержца были превращены в мышей в наказание за измену ему жены; мыши упали с неба на землю и были поражены громом [МНМ 1997, II, с. 190]. Помимо прямой связи мыши с грозой (то есть небесным огнем), есть еще и опосредованная связь с подземным огнем — через гору, скалу, к которой имеет отношение мышь и из которой тоже, по некоторым верованиям, рождается огонь. Языковую типологическую параллель можно видеть в этимологической связи рус. *печь*, *печора* 'пещера' и ст.-сл. *опока* 'скала, обломок скалы' [Фасмер 1995, III, с. 145].

Помимо мышей детьми Громовержца, хтоническими персонажами, связанными с грозой, являются змеи и черви. В заговорах есть свидетельства, сближающие с огнем и червей: *Ugnis plečias tarp mėlynų ir baltų rožių. Prašau Jėzaus Kristaus žodžio, kad visos kirmelės, kur platinas, išdils, kaip senas mėnuo, sudžiūs kaip pievoj mindrės* [Balys 1981, p. 83] 'Огонь распространяется среди синих и белых роз. Прошу слова Иисуса Христа, чтобы все черви, где расползаются, исчезли, как старый месяц, засохли, как на лугу тростник', ср. русский заговор: *...а здесь червям огонь, сера горячая и смола кипящая; побегите, черви, отселе за море...* [Майков 1994, с. 78]. В первом случае черви сравниваются с огнем — они распространяются, как огонь. Во втором — огнем угрожают червям, они прогоняются с его помощью. Ср. аналогичные различия в заговорах от змеи (см. выше). В литовских заговорах лучше прослеживается связь этих хтонических персонажей с огнем. Этимологически праслав. **čьrvь* родственно **čьrть* (лит. *kirmis* 'червь'), цслав. *чермный* 'красный, рыжеволосый' [Фасмер 1995, IV, с. 336, 344].

Возвращаясь к связи огня и животного мира, следует подчеркнуть, что у многих народов существовали мифы о небесной корове — хранительнице огня. В русской и литовской заговорной традиции такая прямая связь коровы с огнем не отмечена, однако молоко имеет отношение к пожару. Скисшее молоко в Литве связано с Перкунасом, и только им можно тушить пожар, разгоревшийся от грозы. Молоко в русских заговорах изображается огненной рекой

(как и кровь) — заговор на *отпор* молока: *Подвосточной стороной бежит огненная река. Той реки некто не может не запереть, не перепереть и не подпереть* [Русская магия 1993, с. 148]. Огонь служит оберегом скота вообще: *...вокруг моей коровушки огненная река, каменная стена* [Вятский фольклор 1994, с. 21]. Скот может даже сам превращаться в огонь: *...казался бы мой скот всякому зверю и нечистому духу огнем и горьким дымом* [Майков 1994, с. 118]. Во время охоты огонь препятствует зверям уйти от охотника: *А ежели... в левую руку своротите (звери), то тут пламень огненный...* [Майков 1994, с. 130]. В литовских заговорах упоминается огненный конь: (заговор, чтобы разжечь костер) *Kuriu, kuriu pečiukų, laukiu, laukiu svečiukų; atvažiuoja saulala variniais rateliais,... ugniniais arklalais* [Balys 1981, p. 50] 'Разжигаю, разжигаю печку, жду, жду гостей; приезжает солнышко на медных колесах,... на огненных конях'. В этом заговоре отражаются древние представления о боге солнца, разъезжающем по небу на колеснице, запряженной крылатыми конями. Конь — очень важный персонаж в балто-славянской мифологии. Об этом, в частности, свидетельствует традиция жертвоприношения коня и захоронения его вместе с умершим человеком. В Литве после окончания войн жрецы объезжали до изнеможения белого коня, после чего сжигали его заживо на костре. Жертва коня в Литве была связана с солнечным культом, а голова коня служила символом самого солнца. Кроме того, в литовской мифологии змеи и ужи часто изображались с головой, похожей на лошадиную, вокруг которой развевалась горящая огненная грива [Dundelienė, Žalčiai, p. 131] (о связи змеи с огнем и солнцем см. выше).

Помимо солнца, имеющего очевидную связь с огнем, в литовских заговорах с огнем соседствует и месяц, а в русских — звезды: *Jaunas Mėnuli, dangaus karalaiči, sergėk mane nuok ugnies degimo, nuok vandens skendimo ir nuok dantų skaudėjimo* [Balys 1981, p. 23] 'Молодой Месяц, небесный королевич, храни меня от горения в огне, от потопления в воде и от зубной боли'; русский заговор на оберег скота: *Звезда ясная, ты освети огнем негасимым белолярых овец его... звезда ясная... загорись огнем негасимым на утеху* [Майков 1994, с. 124]. Возможно, обращение к месяцу с просьбой защитить от огня в литовском заговоре связано с большой популярностью месяца в литовском фольклоре. Он может избавить от любых напастей, в том числе и от огня. В мифах некоторых народов человек добывает огонь и с луны, однако реже, чем от солнца. Семема 'огонь' присутствует в польск. *łuna* 'зареву, отблеск пламени' [Фасмер 1995, II, с. 533].

Кроме неба и земли, в заговорах прослеживается и связь огня с третьей сферой — водой. Она многопланова. В некоторых заговорах огонь противопоставляется воде, вода спасает от огня: *Шла троеперая сестра, несла трое ведра воды, заливала палящий огонь...* (от ожога) [Вятский фольклор 1994, с. 77]. Огонь и вода могут выступать и в равноправных отношениях: *Как огонь очищает и все пожирает, так бы и эта водица всю болезнь съела да покарала* [Там же, с. 88]. Однако нередко огонь находится в самой воде, что перекликается с мифами о происхождении огня из воды: *...И есть зеленой огонь в море, всем огням царь, жжет и палит отпадишу нечистую силу, дьяволов, еретиков и всех людей...* (заговор на оберег скота) [Майков 1994, с. 116]. Ср. литовский заговор от дурного глаза: *...ant okeanų, marių žvakės dega, giliam ežere ten pasiskandinait, pradinkit giliam ežere blogos akys* [Dundulienė, Akys, 1992, p. 55] '...на океанах, морях свечи горят, в глубоком озере там утоните, пропадите в глубоком озере дурные глаза'. При сравнении этих двух заговоров примечательна разница в развитии темы огня: в русском заговоре он — основная сила, очищающая и избавляющая от нечисти, в литовской традиции эта функция огня не так развита, он лишь присутствует как посторонний наблюдатель, намекая на существование в море какого-то сакрального центра, однако все действие происходит помимо него. В русской традиции тема связи огня и воды приобретает дальнейшее развитие в образе огненного змея в воде: *...у того у синяго моря Окиана лежит огненный змей. Сражается он и снаряжается он зажигать горы и доли и быстрые реки* [Майков 1994, с. 11], а также огненной реки и огненного моря: *Сотворил Господь небо и землю, и всю подвселенну; протекала река огненная, в той же огненной реке крестилась сила Господня, Петр и Павел, Михаил Архангел, сам Иисус Христос* [Там же, с. 52]. Таким образом, огненная река, огненное море, объединяющее в себе обе стихии, становятся грозным оружием и могущественным средством против всей нечисти.

В русских заговорах, однако, огонь чаще помещается не прямо в воду, а заключается в камне, который представляет собой сакральный центр мира. Русский *бел-горюч камень Алатырь* содержит огонь даже в самом названии. Из этого камня и добывается огонь, чтобы разжечь любовь «в красной девице»: *О мати, царица Соломия, наведи своих тридевять слуг и тридевять прислужников, и тридевять верных рабов, и всех своих двенадцать дочерей с пилами, с терпугами, с могучими и сильными большими молотами... и прикажи (всем им)... разбить и распилить сей белой Латырь камень и вынять из сего белаго Латыря камня палящий и*

гуляющий огонь... [Там же, с. 21]. В некоторых заговорах огонь ассоциируется с болезнью, и тогда сгорание камня (превращение его в песок) означает избавление от болезни: *как сей камень на огне разгорается, на песок рассыпается, так от раба Божия младенца, от Клавдина сына...* (заговор от чесотки) [Русская магия 1993, с. 128]. В Литве был очень распространен культ камней. Камень являлся прежде всего местом жертвоприношений. На некоторых таких жертвенных камнях вырезались изображения змеи и подковы коня, которые тоже, как известно, имеют связь с огнем. Существует легенда, согласно которой Вяльняс спрятал огонь от людей, вложив его в камень [Dundulienė, Ugnis, 1985, p. 11–12]. В литовских заговорах есть намеки на это: *paimsiu iš akmenia vagnies... aždėgsiu supuvusias kalades* [VKLT 1938, p. 448] 'возьму из камня огонь,... зажгу гнилые колоды' (заговор от змеи). Интересно также сравнение с камнем сердца Богородицы (в литовском заговоре от змеи): *Kapa užniemęs akmuo, ta kad tap užniemt Panos Švenčiausios širdis* [Mansikka 1929, p. 73]. 'Дух захватило у камня, так чтобы также захватило сердце Пресвятой Девы'. Возможно, эта связь как раз и осуществляется через огонь. В русских заговорах сердце является вместилищем огня, зажженного любовью. Огонь, любовь, тоска и сердце образуют в русских заговорах единый круг синонимов: *как огонь горит в печи жарко на жарко, не потухает, так бы ея сердце горело по рабу божьему...* [Майков 1994, с. 8]; *Вставайте вы, матушки три тоски тоскучия, три рыды рыдучия, и берите свое огненное пламя; разжигайте рабу (имя рек) девицу...* [Там же, с. 14]. Огонь в такой функции, как и вообще в любовных заговорах, в литовской традиции не отмечается. Для наглядности можно представить литовские и русские заговоры, в которых упоминается огонь, в виде сравнительной таблицы:

русские

от змеи
от крови
от червей
от ожога
от сибирской язвы
от лихорадки
от прыщей
от испуга
от чесотки
от грыжи
от нечистого духа
от разных болезней

литовские

от змеи
от крови
от червей
от рожи
от зубной боли
от сглаза
от злых духов
обереги скота
ружье испортить
молитвы огню

обереги скота
 любовные
 от покойников
 от тоски родимой матушки
 в разлуке с милым дитяткою
 на укрощение гнева родимой матушки
 на подход к властям
 ратное дело
 охота
 ружье испортить
 на сон
 обереги
 на утоление вихря
 на выживание кикиморы

Сразу бросается в глаза разнообразие русских заговоров по сравнению с литовскими. Их недостаток, однако, компенсируется в литовской традиции большим количеством молитв, обращенных к огню. Общей функцией огня в литовских и русских заговорах является излечение от разных болезней. Огонь в заговорах отождествляется с болезнью: *в печь, в огонь бросаю болезнь свой. Уходи, огонь, в огонь. Забери, огонь, огонь* [Вятский фольклор 1994, с. 88] или сравнивается с ней: *Как из булату, из синева укладу огонь каменем выбивает, так же бы из раба Божия (имя рек) все недуги и порчи вышибало и выбивало бы...* [Майков 1994, с. 82–83]. Внешнее проявление болезни нередко может иметь сходство с огнем (*гореть в лихорадке*). Кровотечение в русских заговорах сравнивается с огненной рекой, прыщи называются *летучий огонь*, ожог — *паллящий огонь*. В литовском заговоре с огнем сравнивается роза и ее омоним в литовском языке — цветок *rožė* 'роза': *Jezus Kristus vaikščio po kalnus, po marias, perplišė rožį, išdžiūvo rožė, išdego rožė. Išdegsi ugnelė raudona rožė* [Mansikka 1929, p. 88] 'Иисус Христос ходил по горам, по морям, разорвал розу, засохла роза, сгорела роза. Сгоришь в огне, красная роза'. Использование в лечебных заговорах огня связано не только с уподоблением ему некоторых заболеваний (по принципу лечения подобного подобным), но также и с представлениями о целебной силе самого огня, способного не только уничтожить злые силы и болезни, но и воскресить и омолодить человека (см. сказочный мотив о чудесном возрождении героя после того, как он сварился в кипящем котле). Весьма архаичны мифы о возродившемся в огне божестве, о героях, обретающих таким образом бессмертие. С этим связаны и обряды инициации, и обычай сжигать покойников. Существуют легенды об исцелении и омо-

ложении людей божественным персонажем с помощью огня в печи или в кузнице [Edsman 1949, § 2, p. 41–131]. Такая исцеляющая для человека и одновременно грозная для нечистой силы функция огня отражена только в русских заговорах: *...возьмут тя, окаянную сатану, трясавицу и огневицу, от меня, раба Божия, выведут и ввергнут в печь огненную...* (заговор от лихорадки) [Майков 1994, с. 52]; *А колдуну и колдуньям огонь поесть и дымом запить...* [Там же, с. 118].

Еще более абстрактным становится образ огня, когда он сравнивается в русских заговорах с вечной мучкой, душой, властью: *Господь избавит от огня горящего, от смолы кипящей, избавит Господь от муки вечной, от червей неуспокающих* [Русская магия 1993, с. 72]; *Ты (власть) предо мной есть лютый огонь, а я пред тобой есть сильная вода...* [Майков 1994, с. 151]; *...у него бы тело тлело, душа огнем горела...* [Русская магия 1993, с. 138].

В литовских заговорах таких метафор нет.

Подводя итоги, можно представить список ключевых слов, составляющих семантическое поле 'огонь' в русских и литовских заговорах:

Русские заговоры:

змея, черви, ворон, лебедь, лиса, чудище;
 звезда, туча, гром, буря, ветер, вода, море, река, камень, песок;
 дым, искра, зола, пучина, смола, воск;
 доска, ключ, копье, оружие, стрелы;
 дом, крыша, печь, баня;
 мучка, душа, сила Господня, любовь, власть, слово, болезнь, сердце, кровь, тоска;
 Царь огонь, Илья-пророк, Бог, Богородица, бабья дочь, троеперая сестра, Вихорь Вихревич, ангелы

Литовские заговоры:

змея, черви, мышь, петух, конь;
 роза, папоротник;
 камень, доска, колода;
 солнце, месяц, океан;
 пепел, искра, пар, свеча;
 ноги, крылья, глаза, кровь;
 одежда, плащ;
 дом, путь

Представленный список показывает, что огонь связан со всеми стихиями и уровнями мироздания: с небесами, земным миром и подземным, с животными, растениями и человеком. То есть, как центр мира, имеет горизонтальную и вертикальную систему связей, соединяет противоположности. В русских заговорах огонь имеет более обширную систему связей, в то же время они более абстрактны. Огонь часто выступает как аллегория или метафора, имеющая мифопоэтические основания. В литовских заговорах связи огня более просты, конкретны, и, возможно, более архаичны. Персонификацию огня можно отнести к самым архаичным представлениям. Поздний, христианский этап осмысления огня — это отраженное в русских заговорах представление его как божественной силы, способной наказать грешников, уничтожить нечистую силу и очистить душу человека.

Полнее представить различия в функциях огня в литовских и русских заговорах помогут статьи из тезаурусного словаря (см. приложение).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОГОНЬ, ед., вар.; ОГНЬ, ОГОНЕК

синонимы: пламя

изофункциональные слова: огненная река, огненные ключи, огненное море, туча огненная, огненная змея, огненная стрела, огненная изба, огнеопалимая баня, печь, сердце, му́ка вечная, смола кипящая

антонимы / оппози́ты: вода

гиперонимы: пожар

гипонимы: отсутствуют

множество: все огни;

главный элемент множества: Царь-Огонь, Огнище (Чудище)

части: искра, огник

внутренний атрибут / эпитет: заречный, летучий, палящий, горячий, жаркий, кроткий, пылкий, милостивый, гуляющий, зеленой, негасимый, лютый

посессор /А — внешний атрибут/ (кто владеет огнем): Бог, Илья-Пророк, бабья дочь, звезда ясная, душа, три тоски тоскучие, три рыды рыдучие

объект /А — локус/ (что находится в огне): болезнь, огонь, раба Божия, пламя

- локус /А — объект/ (где находится огонь): море, булат, синий уклад, печь, чистое поле, раб Божий, белая грудь, ретивое сердце, ясные очи, черные брови, буйная голова, белое тело, черная печень, горячая кровь, семьдесят жил, семьдесят суставов, белый Латырь камень, крыша, небо
- субъект /А — объект/ (кто пользуется огнем): Господь-спаситель, семьдесят семь братьев и Вихорь Вихревич, троеперая сестра, печка, Богородица, болезнь, вода
- действие /А — субъект/ (действия огня): ступать, взять, уходить, забирать, очищать, пожирать, пылать, [с]жечь, потухать, разгореться, [с]палить, зажечь, идти, гореть, [не]потухать, пыхать, тлеть, вынимать, вкладывать
- адресат /А — субъект действия/ (на кого направлено действие огня): черви, колдуны
- действие /А — адресат/ (действия по отношению к огню): поклоняться, молиться, кориться
- объект /А — субъект действия/ (на что направлено действие огня): болезнь, всё, травы, муравы, чаши, трушшобы, коренья, оторосли, дрова, зеленые луга, смолевые пучки, скорби, уроки, призоры, страхи, переполохи, родимцы, недуги и порчи, тоска, девица, враг, сердце, супостат, нечистая сила, дьяволы, еретики, колдуны, все люди
- действие /А — объект/ (действия с огнем): заливать, сжигать, дать, выбивать, [по]есть, выгнать, разжигать, засекаать, спасти (от), сохранить (от), бояться, забрать, сушить, крушить
- инструмент /способ действия/ (с помощью чего производятся действия огня): огонь, все огни, кремень, огниво
- действие /А — инструмент/ (какие действия производятся с огнем): гореть, зажечь, сжечь, засекаать, [с]палить, загореться, осветить
- действие /А — локус/: дать (от), вылететь (из), не жить (в), гореть (в), не лежать, бросать (в), уходить (в)
- источник, причина /А — следствие, созданное/ (кто производит огонь): Огненный змей, три печи, тридевять слуг, тридевять прислужников, тридевять верных рабов царицы Соломии, ветер, Святой Иаков, Х (неопр.-личн.), небо

следствие, импликация /А — источник причина/
(что вызывает огонь): сожжение, возгорание, горение, тушение (очищение, защита, избавление от болезней, любовь, угроза, наказание)

метаморфоза /А — объект/ (во что превращается огонь): сердце, гора, зола, песок, камень, раб Божий, дымок

объект /А — метаморфоза/ (что превращается в огонь): скот, змея, лиска, ты, власть

сравнение (с чем сравнивается огонь): сердце, вода, покойник, я, кровь, рана, недуги, порчи, буря, слова

ассоциативный комплекс: сердце — свечи — дым — меч — пар — смола — кровь — ружье — гром — молния — сера

Огонь в литовских заговорах:

Названия (обращения): šv. Abija, šv. Agota, šv. Bagona, šv. Barnadiktas, šv. Begonija, šv. Gabieta, Gabija, Gabijonėlė, Gabjauja, šv. Gabri, Gobėlija, šv. Guba, šv. Gumija, šv. Elžbieta, Iszreum, šv. Laurinas, šv. Liubernė, šv. Liubyste, Polegabija, šv. Ponykė, sv. Tamuonija, Tobijatė, Ugnatė, šv. Ugnija, šv. Visija, Zabelija, šv. Zobija, ugnis, ugnelė brungelė, karšta liepsna, gelbėtoja, ramytoja nuo rakusų.

Эпитеты: pasotinta, linksma, maloni, rami, spakaina, laiminga, spragi (buk).

Место (огня): savo vieta, akmuo, tarp melnyų ir baltų rožių

Место (в огне): rožė.

Действия (огня): pakelti (garų), neleisti (kibirkštų), papykti, peržegnoti (mus), gyventi (su mumis), apdengti (savo ploščium šventu), miegoti, neeiti (iš šitos vietos), nesijudinti, nesikrutinti, stovėti (stulpu), nesiaukštinti, nesiplatinti, gulėti, nevaikščioti, sergėti (namus), gobėti, žibėti, nedegti, padėti (man), tarnauti, mylėti (mane), ilsėtis, nesivėdinti, tamavotis, užsilaikyti, pasmaudyti, atilsėti, tylėti, uždegti žvakelį, atsiimti karštį, rusenti, iškeikti (gyvatę), duoti sulaukti geros naktelės (mums), duoti apsi-saugoti nuo neprietelių, duoti surasti kelią (paklidėliams), nesiauti kojysų, nekelti sparnelių.

Объекты действий огня: rubeliai, nameliai, garas, kibirkštis, mes, musų vaikai, šeimyna, trobelės, gyvuliai, javai, žvakė, kojios, sparneliai, ploščius, karštis.

Субъекты действий с огнем: Dievas, šv. Agota, aš, Jėzus Kristus.

Действия с огнем: suraminti (Dievas), peržegnoti, saugoti, palaidoti, sugobti, sužiebtį, užžiebtį, sukopti, užklostyti, sukurstyti, įpūsti, sugaubti, užkloti, sukurti, padaryti nekeiksminga (šv. Agota), apdengti (savo ploščium), pridengti (savo rūbeliu), mylėti, šenavoti, prašyti užgesinti, aplankyti.

Действия с огнем (огонь — адресат): pakloti patalą, atnešti malkelių, atlikti, kalbėti maldas, dėkoti.

Сравнения: kraujas, kirmelės, pėlytė.

Ассоциативный комплекс: liepsna — kibirkštis — dūmai — pelenai — saulė — arklys — gaidys — kraujas — paparčio žiedas — akmuo.

ЛИТЕРАТУРА

- Вятский фольклор 1994 — Вятский фольклор. Заговорное искусство. Котельнич, 1994.
- Майков 1994 — Великорусские заклинания. Сборник Л. Н. Майкова. СПб., 1994.
- МНМ 1997 — Мифы народов мира. М., 1997.
- Потебня 1860 — А. А. Потебня. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1860.
- Русская магия 1993 — Традиционная русская магия в записях конца XX века. СПб., 1993.
- Сказания 1990 — Сказания о чудесах. М., 1990.
- Славянская мифология 1995 — Славянская мифология. Этимологический словарь. М., 1995.
- Успенский 1982 — Б. А. Успенский. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.
- Фасмер 1995 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. СПб., 1995, т. 1-4.
- Balys 1981 — J. Balys. Liaudies magija ir medicina. Bloomington, 1981.
- Dundulienė 1992 — Akys — P. Dundulienė. Akys lietuvių pasaulejautoje. Vilnius, 1992.
- Dundulienė 1985 — Ugnis — P. Dundulienė. Ugnis lietuvių liaudies pasaulejautoje. Vilnius, 1985.
- Dundulienė 1996 — Žalčiai — P. Dundulienė. Žalčiai lietuvių pasaulejautoje ir dailėje. Vilnius, 1996.
- Edsman 1949 — C.-M. Edsman. Ignis divinus. Le feu comme moyen de rajeunissement et d'immortalité: contes, légendes et rites. Lund, 1949.

- Fraenkel. LEW 1955 — E. F r a e n k e l. *Litaisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg; Göttingen, 1955.
- Frazer 1930 — J. C. F r a z e r. *Myths of the origin of fire*. London, 1930.
- LT 1968 — *Lietuvių tautosaka*. Vilnius, 1968.
- LTR — *Lietuvių tautosakos rankraštynas. Lietuvių kalbos ir literatūros institutas*. Vilnius.
- Mansikka 1929 — V. J. M a n s i k k a. *Litauische Zaubersprüche // FF Communications*, № 87. Helsinki, 1929.
- Niemi — A. R. N i e m i. *Litaunistiniai raštai*. Цит. по: *Lietuvių mitologija*. 2 t., Vilnius, 1997.
- VKLT 1938 — *Vilniaus krašto lietuvių tautosaka // Tautosakos darbai*. Kaunas, 1938, IV t.